

Любовь Соболева

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ИОСИФА БРОДСКОГО

В статье анализируется структура поэтического текста, принадлежащего Иосифу Бродскому и представляющего собой перевод стихотворения патриарха английской поэзии У.Х. Одена.

Предметом анализа являются лексико-семантические средства создания цельности текста и некоторые закономерности формирования его семантической структуры. Особое внимание уделяется роли концептуальных оппозиций в создании смысловой динамики текста.

*Stop all the clocks, cut off the
telephone*

W.H. Auden

*Часы останови, забудь про телефон
И бобику дай кость, чтобы не таял он.*

*Накрой чехлом рояль; под барабана дробь
И всхлипыванья пусть теперь выносят гроб.*

*Пускай аэроплан, свой объясняя вой,
Начертит в небесах «Он мёртв» над головой,
И лебедь в бабочку из крепа спрячет грусть,
Регулировщики – в перчатках чёрных пусть.*

*Он был мой Север, Юг, мой Запад, мой Восток,
Мой шестидневный труд, мой выходной восторг,
Слова и их мотив, местоимений сплав.
Любви, считал я, нет конца. Я был не прав.*

*Созвездья погаси и больше не смотри
Вверх. Упакуй луну и солнце разбери,
Слей в чашку океан, лес чисто подмети.
Отныне ничего в нём больше не найди.*

В тексте стихотворения с ярко выраженными романтическими мотивами выделяются и структурируются в виде оппозиций концепты разной степени обобщённости: 'жизнь – смерть'; 'присвоение –

отчуждение»; ‘эмоциональное – рациональное’; пространство (пространство внутреннего мира человека – пространство вселенной); движение (перемещение в пространстве – изменение во времени).

1. Оппозиция ‘жизнь – смерть’.

В тексте осуществляется транспозиция сущностных признаков разных явлений: а) время описывается в терминах движения, перемещения в пространстве (*часы останови*); б) потенциальное перемещение в пространстве, то есть движение звуковой волны описывается через призму памяти: психологического феномена, связанного с категорией времени (*забуди про телефон*); в) символом прекращения недискретного звучания является ограничение в пространстве (*накрой чехлом рояль*); г) смерть – конечный предел существования во времени и пространстве – связывается с двумя противоположными тенденциями: ограничением личностного пространства и преодолением замкнутого пространства дома.

В сознании индоевропейцев смерть понимается как прорыв в иной, внешний, мир из того замкнутого пространства, в котором осуществляется жизнь, поэтому в лексемах разных индоевропейских языков с представлениями о смерти соотносится семантика отверстия в разных её вариантах (яма, окно, дверь, сосуд). Данные индоевропейских языков свидетельствуют, что в основе разных типов номинаций смерти лежат пространственные представления, но с отрицательной предметной коннотацией (пустое пространство, отдаленность в пространстве (частное проявление отчуждения), статика). Смерть осознаётся как некая периферия в пространстве, а слова со значением ‘рядом’, ‘не в центре’, ‘на периферии’ обычно связаны со значением ‘зло’.

Можно выделить несколько тематических подгрупп фразеологизмов со значением «умереть», включающих в свою семантику сему ‘пространство’: 1. Собственно движение: *сойти со сцены, выйти в тираж, сыграть в ящик, отправиться в елисейские поля*; 2. Уход из жизни: *уйти из жизни, оставить жизнь, уйти от нас*; 3. Уход из земного мира: *покинуть <белый> свет, отойти от мира <сего>*; 4. Переход к новой жизни: *отойти (переселиться) в лучшую (будущую) жизнь*; 5. Переход в другой локус: а) уход в другой мир: *отправиться (отойти) на тот свет, уйти (удалиться, отойти) в иной (загробный) мир*; б) уход к богу: *уйти на ниву божью, бог прибрал*; в) уход к предкам: *отправиться к праотцам*; г) движение вверх по вертикали: *отойти (скрыться) в горний мир (в горнюю обитель)*; д) движение вниз по вертикали, уход в землю: *лечь в гроб (в могилу), лечь (уйти) в землю, сойти в могилу (в гроб)*; 6. Движение отдельных частей человеческого тела: *закрывать глаза, смежить глаза (очи); протянуть (вытянуть) ноги (ножки), задрать ноги; откинуть (отбросить) копыта <на сторону>, с*

копыльев (с копыт) долой; откинуть (отбросить) сандалии, откинуть штиблеты; сложить кости; 7. отделение души от тела: *отдать богу душу, испустить (выпустить) дух, испустить последний вздох, дух вон* (отделение души от тела представляется, как выход из замкнутого пространства, причем душа выходит из тела разными путями: через нос, рот, горло, кости /серб./; через зубы, ногти /болг./; через локоть /чешск./ [14, 229-234]); 8. Конечный предел жизни: *кончить жизнь (век), отдать концы*; 9. Смерть как сон (статика): *заснуть (почить, уснуть) вечным (последним, мёртвым) сном, уснуть на веки веков, заснуть (уснуть) вечным (последним, могильным) сном*; 10. Пересечение пространственных и временных представлений: *отойти (переселиться) в вечность, отойти к вечному блаженству* [13, 113-114].

Смерть – «одно из главных понятий мифологической картины мира»; момент перехода человека... в потусторонний мир; граница между 'этим миром' и 'тем светом'; основное содержание и характеристика 'того света' [7, 358-359]. Жизнь осознаётся как изначальная точка отсчёта. Смерть – это предел жизни и точка отсчёта новой формы существования. Понятия 'смерть' изначально связано с понятиями 'время', 'пространство', 'движение', 'предельность'. Жизнь существует как оппозиция смерти и обладает ценностью благодаря смертному пределу. Поэтому понятие 'смерть' служит средством выражения предельной степени проявления материальных, эмоциональных и ментальных явлений (*смертельное оскорбление, смертельная обида, смертельная тоска, смертельная усталость...*) [см. 8-10].

Проявлением жизни является активность, движение (изменение положения в пространстве). Пространственная семантика лежит в основе понимания жизни как пути: *русск. жизнь прожить – не поле перейти*; *белор. жыццё пражыць – не поле перайсці*; *серб. ~ није живот поље прећи*; *словац. ср. život nie je prechádzka ružovým sadom / букв. život prežiť – nie je pole prejsť/*; *укр. ~ вік прожити – не поле перейти*; *чеш. ср. život není procházka růžovým sadem*; *англ. ср. life is not all beer and skittles* [см. 4]. В народном сознании смерть является конечной целью жизненного пути и понимается как нечто неизбежное и неотвратимое: *русск. все под богом ходим*; *белор. усе пад богам ходзім*; *болг. ср. то като дойде, не пита*; *ср. никой не е застрахован*; *серб. ср. људски вијек, роса под сунцем. ср. од смрти нема склоништа*; *словац. ср. mladý môže / zomriet' / starý musí*; *чеш. ср. mladý může, starý musí*; *англ. ср. all men are mortal*; *русск. все там будем*; *белор. ср. на тым свеце ўсе роўныя будзем, ср. магіла ўсіх прымае*; *болг. ~ всички са смъртни, ср. рано или късно и нас това ни чака*; *серб. ~ сви ћемо тамо, ср. млад може, а стар мора умријети*; *укр. всі там будемо*; *чеш. ~ musíme tam všichni* [см. 4]; *отъ смрти не*

*посторонишься; смерти воля дана; и всякъ умереть, какъ смерть придетъ; смерть да жена – Богомъ суждена; это вѣрнѣе смерти; Символитву дѣетъ, Хамъ пиеницу сѣетъ Афетъ власть имѣетъ, смерть всѣмъ владѣетъ; двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать; умирать не миновать; безъ року не умереть; прежде смерти не умирай (не умираютъ); верти, не верти, а надо умерти [см.3]. Не только человек движется по тропе жизни к смерти, но и смерть приближается к человеку и забирает, уводит, его: *и всякъ умереть, какъ смерть его придетъ; не онъ умереть, а смерть его пришла; не онъ помереть: смерть его умерла, и его съ собой унесла; смерть его пришла; смерточка моя пришла; смерть за порогомъ; смерть на носу; смерть на пядень; хвалился монахъ, когда смерть въ головахъ [см.2].**

Сопредельность мира мёртвых с миром живых выражается в осознании реляционных отношений жизни и смерти: *человѣкъ рождается на смерть, а умирает на животъ, на жизнь; лучше смерть, нежели золь животъ; на смерть дѣтей не нарожаешься; смерть на животъ дана [см.2].* Смерть в большой мере обусловлена жизнью в этическом, оценочном смысле: *русск. собаке – собачья смерть; белорус. сабаку – сабачая смерць; болг. кучешка смърт; пол. jakie życie, taka śmierć; серб. ~ као нас живио, као нас умро; словац. psovi – psia smrt'; укр. ср. яке життя, така й смерть; чеш. psu psí smrt; англ. ср. he that liveth wickedly can hardly die honestly [см.4].* Жизнь может прямо или обратно коррелировать со смертью: *тяжело жить, да и умирать не находка; горько жить – да и умирать не сладко; родился не умнымъ, и умрёшь дуракомъ; жить вѣстнѣ - и умереть вѣстнѣ; какъ живѣмъ, такъ и умираемъ; кто какъ живѣтъ, такъ и умираетъ; съ его совѣстью жить-то хорошо, да умирать плохо; сердитый (упрямый) умрѣтъ – никто его уймѣтъ; торопиться жить – скоро умереть; не хотѣлъ жить – ступай умирать; богатому и умирать не хочется; такое житьѣ, и умирать не хочется; весело живѣтся, грустно умирается [см.3].* Известно, что основе мифов о происхождении смерти наряду с «объяснением от противного» и идеей «прецедента» иногда лежит идея наказания: смерть – кара за проступок, ошибку, неповиновение. [6, 456].

В первой строфе анализируемого стихотворения символом смерти являются: статичность, т.е. прекращение движения во времени (*часы останови*) и в пространстве (*забуди про телефон*), динамичность (*пусть теперь выносят гроб*), дискретность и/или предельность звучания (*чтобы не тявкали он; накрой чехлом рояль; под барабана дробь и всхлипыванья*). Все ситуации описания в первой строфе можно свести к четырём концептам: время (*часы, забудь*); движение /перемещение в пространстве/ (*дай кость, пусть выносят*); пространство: ограничение пространства

(*накрой чехлом*); звук и/или источник звучания (*телефон, не тявкал, рояль, барабана дробь, всхлипыванья*).

Смысловые отношения, выраженные в первой строфе, можно изобразить как центростремительное движение семантики, конечной точкой которого является феномен звучания (*забудь про телефон; и бобику дай кость, чтобы не тявкал он; накрой чехлом рояль; под барабана дробь; и всхлипыванья*). Смерть в интерпретации поэта – это в первую очередь молчание, и наоборот: слово – это жизнь: *он был...; слова и их мотив, местоимений сплав*. А время и манипуляции в пространстве – это всего лишь условия, рамки, в пределах которых осуществляется жизнь, что иконически отражено в структуре обрамления первой строфы: *часы останови...; ...пусть теперь выносят гроб*.

Смысловые доминанты, связанные со временем и пространством, единичны, а семантической периферии (номинациям звука) свойственны повторы. Но эта «периферия» органична для поэта, она – суть его мироощущения, а потому – и центр его внимания. Кроме того, динамическому приписывается свойство статического (можно остановить часы, но можно ли остановить время?), а статическое символизируется через динамическое (смерть – через движение в пространстве). В этом переплетении статического символа динамического (прибор – время) и динамического символа статического (ритуал – смерть) выражена отчаянная попытка преодолеть одномерность оппозиции ‘жизнь – смерть’ вербальными средствами.

2. Оппозиция ‘присвоение – отчуждение’ как проявление оппозиции ‘внешнее – внутреннее’.

Концептуально первая строфа построена на оппозициях в пределах наиболее общих категорий и понятий: время, пространство, движение, звук.

В каждой из четырех строф стихотворения прямо или косвенно выражена семантика запрета на различные виды восприятия: на восприятие временных ритмов (*часы останови*); на слуховое восприятие (*забудь про телефон и бобику дай кость, чтобы не тявкал он. Накрой чехлом рояль*); на зрительное восприятие (*созвездья погаси и больше не смотри вверх. Упакуй луну и солнце разбери*). Хотя утрата всех этих каналов восприятия ассоциируется со смертью (например, согласно мифологическим верованиям, в момент смерти гаснет или падает с неба звезда [7, 359]), на концептуальном уровне все названные запреты предполагают контакт: манипуляцию с внешними объектами, освоение и присвоение мира.

Наиболее общие концепты существуют в виде оппозиции ‘присвоение – отчуждение’, в пределах которой образуется семантическая иерархическая структура, организующая целостность текста и его смысловую динамику.

Оппозиция 'присвоение – отчуждение' максимально проявляется в заключительной строфе: присвоение здесь осознаётся как завоевание гиперпространства, а отчуждение – как утрата смысла; присвоение ассоциируется с внешними завоеваниями, а отчуждение – с внутренним состоянием. Иначе говоря, присвоение – эксплицитно, а отчуждение – имплицитно, то есть оппозиция 'присвоение – отчуждение' соотносится с оппозицией 'внешнее – внутреннее'.

Гиперактивность присвоения определяется степенью доступности объектов присвоения. Поэтому смена бытовых манипуляций манипуляциями с космическими и планетарными объектами (*часы, телефон, бобик, рояль – гроб – созвездья, луна, солнце – океан, лес*) отражает, во-первых, нарастающую до своего пика, когда космос должен превратиться в хаос, а затем не до конца утихающую волну аффекта; во-вторых, абсурдность попытки примирить этот вселенский, раздирающий душу хаос – с бытом. Гиперактивность присвоения увеличивает степень отчуждения, потому что отчуждение от предметной повседневности ничемно по сравнению с отчуждением от мироздания.

Иначе говоря, возможность манипуляторного освоения мира противопоставляется невозможности его семантического (смыслового) освоения и присвоения. Потеря смысла равносильна потере интереса к объекту, то есть равносильна его отчуждению, поэтому в четвёртой строфе они колеблются между отчуждением и присвоением вселенной. В результате создаётся оппозиция всего текста – последней строке этого текста (*отныне ничего в них больше не найти*). Абсурдность ситуации описания и ирреальная модальность – лишь средство материализовать ощущение конца, лишь меты утраты. Ситуация описания в последней строфе – это по сути дела антитеза библейским дням творения. Полисеманτικότητα, а следовательно, динамизм текста стиха формируются «прямыми» и «обратными» мифопоэтическими аллюзиями: представление о возможности остановить солнце, отраженное в Ветхом Завете [6, 461]; отождествление океана с первозданным хаосом в древнейших космогонических версиях и многочисленные мифы о сдерживании океана после создания суши [6, 249]. Смысловый парадокс четвёртой строфы заключается в том, что свёртывание мирового пространства, которое должно было бы символизировать необратимость полного отчуждения, демонстрирует одновременно и крайнюю степень личностного овладения космосом, крайнюю степень личностной экспансии, что характерно для мифологического, по существу антропоморфно-метафорического, сознания: например, согласно лунарным и солярным мифам разных народов, отношения между луной и солнцем представляются либо как кровно родственные в одном (брат и сестра) или в разных (одно порождает

другое) поколениях, либо супружеские; в некоторых мифах луна и солнце рождаются из частей тела (чаще из левого и правого глаз) первосущества [6, 78-80].

3. Оппозиция ‘эмоциональное – рациональное’.

Остановленное время и трансформированное пространство сфокусировано на умершем. В нём – беспредельность чувства, всеобъемлющее пространство и панхрония; мысль и ритм – основа целостного вербального образа мира:

*Он был мой Север, Юг, мой Запад, мой Восток,
Мой повседневный труд, мой выходной восторг,
Слова и их мотив, местоимений сплав.
Любви, считал я, нет конца. Я был не прав.*

Чем активнее присвоение (*он – мой мир*), тем отчётливее выкристаллизовываются субъектно-объектные отношения – потенция отчуждения, о чём свидетельствует оппозиция местоимений первого и третьего лица. И если оппозиция времени и пространства снимается, когда эти категории совпадают в одном объекте (*он был мой Север, Юг, мой Запад, мой Восток /мой повседневный труд, мой выходной восторг*), то оппозиция субъекта и объекта, на первый взгляд, непоколебима. Лишь лингвистически точная и остроумная метафора *местоимений сплав* допускает двусмысленность: безденотатность местоимений в системе языка (как следствие бесконечного числа возможных объектов-денотатов, то есть недискретность денотата) сосуществует одновременно со спецификой функционирования оппозитивных местоимений первого и третьего лица единственного числа в данном тексте, где названная метафора снимает эту оппозицию: сплав *я* и *он* есть следствие тождества: *он=мой мир* (то есть *я*).

Эмоциональная динамика в тексте передана таким образом, что всё сфокусировано на прошлом состоянии восторга и любви: прошлое реально, поэтому оно укладывается в привычные пространственно-временные координаты. Вся образность третьей строфы – это в основном парафразы застывших метафор с вечными библейскими аллюзиями и обескураживающей прямоотой номинации эмоций. Эмоции же «настоящего» вербально выражаются или очень слабо (II строфа: *грусть*) или опосредствовано: богатство эмоционального спектра заменяется на якобы более адекватное логическое и манипуляторное освоение мира, которое по сути своей оказывается не только фальшивым, но и тупиковым (IV строфа).

Семиозис самых метафорически ярких строф (III и IV), содержащих антитезу любви и отчаяния, базируется на антитезе эмоционального и рационального. Но рациональное, конструируемое в пределах мощной отрицательной эмоции, неизбежно должно превратиться в абсурд (строфа IV).

Ещё одна экзистенциальная антитеза текста – две противоречивые тенденции взаимодействия субъекта с миром: с одной стороны, стремление к изоляции от внешнего мира (I и IV строфы); с другой стороны, постоянный поиск «партнёра переживания утраты» в реальном мире (II строфа), а в конечном итоге – восприятие внешнего мира всего лишь как декорации к трагедии отчаяния (II и IV строфы).

4. Лексико-семантический ритм стиха.

Маятниковое движение смыслов – их повторяемость и цикличность – выражается в последовательном возвращении к категории пространства: к пространственным изменениям.

Волевые усилия субъекта организовать окружающее пространство эффективны только применительно к привычному ограниченному пространству. Как только преодолевается замкнутое пространство дома и происходит переход во вневременье, события начинают совершаться помимо воли субъекта, который просто-напросто исчезает (см. II строфу).

В третьей строфе текста разворачивается и доминирует планетарное внутреннее пространство субъекта, полифонично и реляционно выраженное и через понятия внешнего пространства (*он был мой Север, Юг, мой Запад, мой Восток*), и через понятие изначального времени и временных циклов (*мой шестидневный труд, мой выходной восторг*), и через сущностный инструмент освоения внешнего мира – речь (*слова и их мотив, местоимений сплав*), и через мощнейший и универсальный стимул гармонизации внутреннего мира человека – любовь. Но эмоциональная доминанта конечна, как, может быть, в связи с этим конечно время (*Любви, считал я, нет конца. Я был не прав. – Часы останови...*).

В четвёртой строфе происходит прорыв из внутреннего, эмоционального пространства субъекта в упоительную беспредельность вселенной. Но безысходность в том, что это «карманный» космос, это ограниченное и замкнутое, «послушное» и уныло-податливое пространство-декорация. Свёртывание пространства – символ отчаяния. Символически четвёртая строфа смыкается с первой: овладение временем и пространством есть ограничение времени и пространства, что равносильно смерти.

Семантический цикл формально завершён, но персеверация сильна, поскольку связана с неразрешимым психологическим парадоксом: личностная экспансия, общечеловеческое свойство распространять своё

влияние на окружающий мир, доведенная до крайности, уничтожает личность.

В результате экзистенция моделируется на противоречии: настоящее ирреально, гротескно, условно (IV строфа) или ориентировано в прошлое (I, II строфы); единственная психологическая реальность – это прошлое (III строфа).

Сложные семиотические построения с целью передать ощущение утраты (I, II, III строфы) противопоставлены прямой номинации фундаментального, организующего структуру личности переживания, которое представлено как отчуждённая, объективная данность (*Любви, считал, я нет конца. Я был не прав*).

Семантический ритм стиха – ритм маятника с увеличивающейся амплитудой колебания, где статичное основание – категория времени, а постоянно изменяющийся объект описания – виды пространства. Сначала движение происходит внутри реально измеримого трёхмерного пространства: движение из пространства дома – в пространство вне дома. Затем амплитуда колебания увеличивается: происходит движение из внутреннего психического пространства субъекта описания – в бесконечное пространство вселенной. Каждое движение маятника – это выход из некоего ограниченного пространства – вовне. На первый взгляд, чем ограничней изначальное пространство, тем огромнее – конечное (дом – вне дома; сознание одного человека – вселенная). Но это лишь видимое противоречие при реальной аналогии пространства сознания и пространства вселенной. Более того, в тексте крайним точкам пространства приписываются взаимно обратные свойства: пространство сознания бесконечно, а пространство Вселенной свёртывается до объектов бытовых манипуляций.

Если функцию объекта рассматривать как следствие его структуры, то четвёртую строфу тематически можно представить как гирлянду смыслов, выражающих изменение структуры и объёма. Изменения функции (уничтожение функции объекта): *созвездья погаси*; изменение объёма объекта: *упакуй луну*; изменение структуры объекта (расчленение объекта): *и солнце разбери*; изменение объёма объекта (назван конечный предел объёма объекта): *слей в чашку океан*; изменение структуры объекта (упрощение объекта): *лес чисто подмети*.

Специфика данного текста заключается в том, что он построен по принципу матрёшки или по принципу вложения. Концептуальная и грамматическая организация текста по принципу вложения создаёт пульсирующее движение смыслового развёртывания и позволяет совместить семиотику символа и иконы в пределах одного поэтического текста [12, 164-165]. Приём обрамления существует: для I строфы

(антонимизация в пределах оппозиции статики и динамики: *часы останови – пусть теперь выносят гроб*); для II строфы (оппозиция по признаку неодоушевлённости – одоушевлённости: *аэроплан – регулировщики*); для III строфы (утверждение бытийности – отрицание оценочности: *он был мой Север, Юг, мой Запад, мой Восток – я был не прав*); для IV строфы (функциональное отчуждение объекта – смысловое отчуждение объекта: *созвездья погаси – отныне ничего в нём больше не найти*); для I – II строф (символика смерти: *часы останови, забудь про телефон – регулировщики – в перчатках чёрных пусть*); для I – III строф (семантика предельности: *часы останови, забудь про телефон – любви, считал я, нет конца*); для I – IV строф (семантика отрицания: динамики во времени и пространстве интеллектуальной динамики: *часы останови, забудь про телефон – отныне ничего в них больше не найти*). Этот приём формирует цельность и законченность каждого из названных отрезков текста и в то же время моделирует динамику расширения смысла (смысловой экспансии) через удлинение синтагматического ряда [12, 165]. Сочетание двух противоположных тенденций – постоянное стремление к семантической завершённости и постоянное удлинение синтагматического ряда (постоянное расширение смысла) – создаёт впечатление не о непрерывном, а о пульсирующем движении семантического развёртывания. Цикличность, повторяемость, предсказуемость поэтического текста проявляется не только в особенностях организации его синтаксиса и морфологии, его фонетики и метрики, но и в особенностях его концептуальной организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский И. Сочинения. СПб., Пушкинский фонд, 1995. Т. 4.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т.2.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т.4.
4. Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб., 2000.
5. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
5. Мифы народов мира: энцикл. в 2 т. М., 1992. Т.2.
6. Славянская мифология: энцикл. словарь. М., 1995.
7. Словарь современного русского литературного языка. Т. 6, 13, 16. М.-Л., 1957. 1962, 1964. Т.6.
9. Словарь современного русского литературного языка. Т. 6, 13, 16. М.-Л., 1957. 1962. Т.13.
10. Словарь современного русского литературного языка. Т. 6, 13, 16. М.-Л., 1957. 1964. Т.16.
11. Соболева Л. И. Концептуальная и грамматическая структура одного поэтического текста // *Slovanský romantizmus – poetika romantická u slovanských*

literatúrach. Zborník príspevkov z medzinárodnej konferencie kananej 12.-13. 9. 2001. Banská Bystrica, 2002.

12. *Соболева Л. И.* Структура поэтического текста // Беларуская філалогія: зб. навук. прац вучоных філал. фак. Бялдзяржуніверсітэта. Вып. першы. Мн., 2003.

13. *Соболева Л.И.* Смерть и пространство // Палеославистика и компаративистика. Материалы международной научной конференции. Третьи Супруновские чтения. 27-28 сентября 2002 г. Мн., 2003.

14. *Толстая С.М.* Славянские народные представления о смерти в зеркале фразеологии. // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

15. *Pokorny J.* Indogermanisches etimjlgisches wörterbuch. Band I-II. Bern und München, 1959-1965.